

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Слог является поистине загадочным лингвистическим объектом: постоянно присутствующий в речи, но неуловимый по источникам своего образования; известный всем, но так и не достигший состояния окончательного описания.

Исследование слога, начавшееся практически с момента выделения фонетики как науки, настолько трудоемко, многообразно и сложно, что, несмотря на усилия ученых разных стран, к настоящему времени оно еще далеко до своего завершения.

Количество работ в научно-исследовательской литературе, посвященных слогу, велико. Число монографий и статей, трактующих проблематику слога, продолжает увеличиваться, и дискуссии вокруг слоговой единицы не утихают и сегодня.

Еще в 1915 году, прежде чем предложить свою, тогда третью по счету, теорию слогообразования, Ф. де Соссюр уже подверг критике две предшествующие теории слога: ту, которая утверждает, что в основе слогообразования лежит звучность фонем, и теорию слогового ударения [1]. В последние годы было создано несколько конкурирующих теорий слога (J. Kahn, 1976; E. Selkirk, 1982; J.N. Clements, S.J. Keyser, 1983; J. Kaye, J. Lowenstamm, 1984; J.P. Angoujard, 1997) [2; 3; 4], однако не генеративную фонологию следует обвинять в их несовершенстве. Сам слог в силу синкретичности своей внутренней субстанции является настолько сложным объектом изучения, что любая теория, содержащая попытку объяснения его происхождения, едва увидев свет, тут же обнаруживает свои слабые места.

Так и не приведя лингвистов к единому мнению, проблема теории происхождения слога вывела ученых на прикладную стезю разработки вопросов слогоделения и поиска границ слога в речевой цепи. Результатом оказалось выявленное несовпадение в разных языках правил слогоделения, типов слоговых структур и частотности каждой из них в речевом потоке. Нисколько не умаляя достоинств этих исследований, А. Мартине пишет, что «слогодделение зависит от множества факторов, ни один из которых не является изученным в достаточной степени» [5, с. 59].

Появившаяся возможность использования в исследованиях специальной аппаратуры, развившая экспериментальную фонетику, позволила ученым проникнуть во внутреннюю структуру слога через акустический анализ его составляющих. Следует отметить, что исследование слоговых параметров, проводилось, как правило, в артикуляторно-акустическом аспекте [6; 7; 8; 9; 10].

В перцептивных исследованиях слога изучались его физические параметры, полезные для адекватного распознавания носителями соответствующего языка [11; 12; 13; 14; 15]. Материалом для этих исследований служила либо синтезированная речь, либо слоги, сегментируемые из специально составленных фраз, начитанных двумя-тремя дикторами и представленных аудиторам в случайном порядке. Эти эксперименты давали ответы на ряд вопросов, но в силу указанных условностей, привносимых искусственно созданной материей, и ограничений, вызванных изолированным положением изучаемых единиц, они исключали возможность изучения слога во взаимосвязи всех аспектов его проявления: артикуляционного, перцептивного, акустического и функционального. Такой полноты исследования возможно достигнуть, только если использовать в качестве материала естественный речевой поток. Как показывает анализ научной литературы, до настоящего времени ни одного из таких изысканий, которые были бы нацелены на описание функционирования слога в индивидуальной перцептивно-артикуляционной базе, проведено не было.

Помимо вышесказанного, в работах, посвященных проблемам слога, имеет место его исследование с использованием уже сформированного механизма речи в целом. Задача заключается в том, чтобы переместить центр внимания с анализа статического состояния перцептивно-артикуляционной системы индивида на ее эволюцию, поскольку процесс освоения индивидом слога и его составляющих является невыясненным до настоящего времени. Незнание динамики становления слога и закономерностей преобразования его ингерентного состава в сознании развивающейся языковой личности ограничивает содержание и сдерживает развитие лингвистической теории. Ценным материалом для исследования данной проблемы может послужить восприятие и производство речи детьми и взрослыми в условиях недостаточно сформированной перцептивно-артикуляционной базы языка.

Несовершенство перцептивно-артикуляционной базы языка имеет место как при развитии речевой функции на родном языке, так и при овладении иностранным языком. В последнем случае на вполне сформированные механизмы функционирования родного языка накладываются особенности восприятия и порождения речи на языке иностранном. При этом индивид испытывает артикуляторные трудности в производстве иноязычного текста и перцептивные – при его понимании. Поскольку минимальной единицей восприятия и артикуляции речи является слог, следовательно, можно ожидать, что при овладении иностранным языком именно он окажется первичной единицей проявления несовершенства перцептивно-артикуляционной базы индивида.

Проводимые компаративные исследования [16; 17; 4; 18], нацеленные на детальное описание характеристик речевых единиц, ограничивались их констатацией в сопоставляемых языках без толкования причин, их обуславливающих. Кроме того, в них не показаны изменения, происходящие в формирующейся фонологической системе индивида, которые, несомненно, имеют место по мере расширения его лингвистического опыта. Следует отметить также ориентацию компаративных трудов преимущественно на исследование специфики функционирования речевых единиц в артикуляторном, акустическом и фонологическом аспектах языка. Сопоставление воспринимаемых признаков составляющих слога на разных этапах овладения иноязычной речью и анализ их связи с качеством слоговых характеристик, реализуемых индивидом, не проводились на материале ни одного из языков.

В ранее выполненных трудах, посвященных проблемам слога на материале различных языков, имеет место его исследование с использованием уже сформированного механизма речи в целом. Собственно же процесс освоения индивидом слога и его составляющих является невыясненным до настоящего времени, что ограничивает содержание и сдерживает развитие лингвистической теории в целом. В настоящее время важным представляется перемещение центра внимания со статического состояния перцептивно-артикуляционной системы индивида на исследование ее эволюции. Данный факт составляет отличительную особенность новой, бурно развивающейся области современной лингвистики – лингвистики антропоцентрической, нацеленной на всестороннее исследование речевых произведений *Homo loquens*.

Еще одной отличительной чертой современных исследований является, в отличие от проводимых ранее компаративных изысканий, их направленность на толкование причин, обуславливающих перцептивные и артикуляторные модификации сегментных составляющих слога. Актуальность данным исследованиям придает то обстоятельство, что языкознание достаточно долго уделяло внимание дескриптивным подходам к изучаемым явлениям.

Инофонная среда создает особые условия для жизни языковых единиц, и в первую очередь слога, поскольку в ней приходится постоянно учитывать процессуальный компонент его изменения в плане приспособления, прилаживания, совершенствования, доведения в артикуляционной и перцептивной субстанции до состояния адекватности и соответствия кодифицированной норме осваиваемого языка.

Проникновение во внутренние характеристики развивающегося слога позволит получить данные о его становлении в языковом сознании личности, которых давно ждут лингвисты, психологи, инженеры-акустики, специалисты в области преподавания иностранных языков, все те, кто заинтересован в разработке путей эффективной речевой коммуникации на разных языках. Это явится ответом на замечания о накопившейся неудовлетворенности длительной ориентацией исследований в русле дескриптивной лингвистики и генеративной лингвистики на описание языка [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale. – Paris: Payot, 1981. – 510 p.
2. Общая и прикладная фонетика / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской. – М.: МГУ, 1997. – 414 с.
3. Касевич, В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
4. Angoujard, J.P. Théorie de la syllabe. – CNRS Editions, 1997. – 224 p.
5. Martinet, A. Eléments de linguistique générale. – Paris: Librairie Armand Colin, 1980. – 224 p.
6. Выгонная, Л.Ц. Психалагичныя аспекты беларуска-рускага білінгвізму // Беларуская лінгвістыка. – Мн.: Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 45. – С. 10 – 13.
7. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 321 с.
8. Ковалева, Л.С., Скалзуб, Л.Г., Хоменко, Л.М. Слоги русской речи, по экспериментальным данным (попытка классификации по динамическим характеристикам) // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного: Докл. Материалы I Междунар. симпозиума МАПРЯЛ, Москва, УДН, 19 – 23 окт. 1987 г. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1989. – С. 16 – 20.
9. Лепская, Л.И. Некоторые вопросы изучения структуры слога // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики: Исследования по речевой информации: Сб. ст. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – Вып. 11. – С. 121 – 130.
10. Потапова, Р.К. Слоговая фонетика германских языков. – М.: Высшая школа, 1986. – 145 с.
11. Бондарко, Л.В. Исследование восприятия звуковых единиц // Актуальные вопросы фонетики в СССР: Сб. науч.-аналит. обзоров к XI Междунар. конгр. фонетич. наук, Таллин, 1 – 7 авг. 1987 г. – М., 1987. – С. 40 – 70.
12. Бондарко, Л.В., Вербичкая, Л.А., Гордина, М.В. Основы общей фонетики: Учеб. пособие. – 4-е изд., исправл. и перераб. – М.: Академия, 2004. – 160 с.

13. Бондарко, Л.В., Павлова, Л.П. О фонетических критериях при определении слоговой границы // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 4. – С. 11 – 19.
14. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи / Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая и др. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 150 с.
15. Штерн, А.С. Лингвистические факторы в восприятии речи // Слух и речь в норме и патологии. – Л.: Ленингр. восстановительный центр ВОГ, 1980. – С. 10 – 16.
16. Любимова, Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке. – Л.: Наука, 1988. – 90 с.
17. Метлюк, А.А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва. – Мн.: Высшая школа, 1986. – 109 с.
18. Jacquemin, D. Le français parlé par un Potugais // Bulletin de l'Institut de Phonétique de Grenoble. – 1975. – V. 4. – P. 117 – 150.
19. Сусов, И.П. История науки о языке: Учеб. для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь: ТГУ – Золотая буква, 2003. – 315 с.

В.С. Истомин (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы)

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В 1995 г. Бельгийское лингвистическое общество организовало конференцию, посвященную дисциплине «политическая лингвистика», предметом которой становится анализ совокупности взаимодействия языка и политики. Истоками политической лингвистики можно считать идеи Ю. Хабермаса, концепции Грамши, труды М. Сильверстейна. Отправной точкой в становлении этой междисциплинарной науки является мысль о взаимопроникновении социальных аспектов языка и языка политики, которые отдельно не охватывают ни лингвистика, ни политическая наука. С конца XX века политическая коммуникация стала предметом повышенного интереса как российских, так и зарубежных специалистов. Среди российских лингвистов изучением политического языка занимались И.В. Карцевский, Е.Д. Поливанов, В.В. Одинцов, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик, П.Н. Денисов, А.Н. Кожин, Г.Г. Почепцов и др. О том, что политическая лингвистика стала самостоятельным направлением лингвистических исследований свидетельствуют работы А.Н. Баранова, О.Е. Ермакова, О.С. Иссерс, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, П.Б. Паршина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал. Направления исследований в области политической лингвистики многочисленны, начиная от описания отдельных единиц политического языка вплоть до анализа политических жанров, стилей, идиостилей, дискурсивного описания коммуникативных стратегий и тактик и сопоставительное исследование политических дискурсов разных стран.

Одним из объектов политической лингвистики является политический дискурс. Термин дискурс происходит от латинского слова *discursus* и означает беседа, рассуждение. А.Г. Гардинер определяет дискурс, как «использование артикулируемых звуковых знаков для передачи желаний говорящих, их мнений о вещах» [6, с. 285]. Для Э. Бенвениста дискурс – это язык, «присваиваемый говорящим субъектом, и только он в условиях интересубъективности может обеспечить коммуникацию» [5, с. 266]. В дальнейшем дискурс стал пониматься как «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость речевого произведения от значительного количества экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего» [7, с. 14]. Широкое использование термина «дискурс» становится еще одним свидетельством изменения подхода к языку и речевой деятельности. В работе под дискурсом понимается речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания [2, с. 137].

С семиотической точки зрения речь представляет собой комплекс из трех взаимозависимых элементов: мысли, знаний и знаков. Мысль можно представить в виде некоей деятельности, для совершения которой используются знаки – элементы языковой системы. Знания, в свою очередь, являются потенциалом для совершения действия [3, с. 68]. Слово, как знак, обладает некоторыми значениями, которые сформированы до того, как производится речь, и имеет определенные характеристики, зависящие от накопленных знаний говорящих. Эти знания, вербализованные и представленные в виде операций, служат строительным материалом для дискурса (речи), который может быть охарактеризован такими качествами, как открытость, жесткость организации, хотя и обладающей достаточной гибкостью, что и позволяет сравнить его с живым организмом [4, с. 126].

В процессе создания дискурса говорящий субъект совершает дискурсивные операции, представляющие собой в некотором роде вербализованные презентации определенных знаний, и именно они служат строительным материалом дискурса. Дискурсивные операции позволяют выделить уровни объектов и предикатов, суждений, высказываний и фигур, составляющих четыре уровня схематической презентации, которая характеризуется открытостью системы и уровневой организацией. Любой дискурс